

Лев Гордон

ЧУДО САЯН

Герои ненашего времени

Санкт-Петербург АЛЕТЕЙЯ 2011

УДК 94(571)
ББК 63.3(25)
Г 68

Гордон Л.

Г 68 Чудо Саян. Герои ненашего времени / Л. Гордон. — СПб. : Алетейя, 2011. — 240 с.

ISBN 978-5-91419-506-6

Жизнь становится историей, когда начинаются утраты. Десятого декабря 1991 года Захар Ильич Горин потерял страну, в которой прожил 54 года, за день до того нелепо ушла из жизни жена, с которой он прожил 27 лет. «Порвалась связь времен». Распался дом, погибла гильдия, цех, к которому он принадлежал, десятки лет сооружавший «памятники минувшему деспотизму» — гидроэлектростанции на Волге, в Сибири, на Кавказе, в Средней Азии. И все, что составляло быт, рутину жизни, стало историей.

Автор этой книги, Лев Гордон, участвовал в проектировании и строительстве Саяно-Шушенской ГЭС. В качестве эксперта принимал участие в работе комиссии по расследованию причин аварии на гидроэлектростанции.

УДК 94(571)
ББК 63.3(25)

ISBN 978-5-91419-506-6

© Л. Гордон, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

Но кто он и откуда,
 Когда от всех тех лет
 Остались пересуды,
 А нас на свете нет.
Б.Пастернак, «Свидание».

Захар-летописец (Введение)

Жизнь становится историей, когда начинаются утраты. Десятого декабря 1991 года Захар Ильич Горин потерял страну, в которой прожил 54 года, девятого декабря нелепо ушла из жизни жена, с которой он прожил 27 лет. «Порвалась связь времён». Распался дом, погибла гильдия, цех, к которому он принадлежал. Цех, десятки лет сооружавший «памятники минувшему деспотизму», — гидроэлектростанции на Волге, в Сибири, на Кавказе, в Средней Азии. И всё, что составляло быт, рутину жизни, стало историей.

Привычный Горину мир, пусть несовершенный: дом, учреждение, куда ходил на службу 28 лет — всё распалось. Рвалась паутина-хранительница, паутина человеческих отношений, взаимных симпатий, уз семейных, цеховых, национальных. Эти пути, добровольно или в силу обстоятельств, связывавшие людей, эта сложившаяся иерархия ценностей, пусть не во всём справедливая, позволяла Горину «облокотиться на мир», надеяться, уповать на завтра. Паутина рвалась, и впереди мерещилась пустота.

Писать о людях, сохраняя их имена, дело деликатное и рискованное. Но поскольку нет никакой истории, кроме историй отдельных людей, автор сохранил реальные имена, кроме собственного имени. Авторский псевдоним введён, чтобы уйти от местоимения «я»: писать о себе, не приукрашивая, вряд ли возможно. Это будет не история, а психология.

Утром 9 декабря 1991 года Захар Ильич Горин приехал из командировки с Саяно-Шушенской ГЭС. Вечером того же дня погибла в автомобильной аварии его жена Ольга. Кто-то сказал: «От хорошей жизни не запишешь». Жизнь стала очень плохой, и Горин «записал». После похорон взял отпуск за свой счёт и к сорока дням со дня гибели жены написал и издал малым тиражом книгу об Ольге. Отпуск кончился. Надо было возвращаться «в хоровод». На восемьдесят первый день после гибели Ольги Захар Ильич с одним коллегой вновь вылетали на Саяно-Шушенскую ГЭС

Разруха в авиации к 92-му году была в самом расцвете. Так что перелет длиной в четыре тысячи километров, да ещё с пересадкой был делом нетривиальным. Время рейса на Красноярск за 80 дней поменялось. Горин с коллегой вылетели в три часа дня 29 февраля, и около двенадцати ночи приземлились в главном красноярском аэропорту Емельяново. В Петербурге погода была весенняя, снега почти не было. В Красноярске — минус двадцать четыре. Ветер. Вышли на улицу. Автобуса нет, интервал между рейсами — час. Холодно. Ехать в город особого резона не было: завтра утором — снова в этот аэропорт или рядом — в аэропорт Черемшанка, чтобы лететь дальше. Решили идти в гостиницу аэропорта. Гостиница то ли ремонтируется, то ли совсем развалилась и закрыта навсегда. На втором этаже светится одно окно. Дёрнули ручку двери. Открыто. По тёмной захламлённой лестнице поднялись на второй этаж. Женщина-сторож разрешила переночевать в коридоре на пыльных диванах под негасимой назойливой лампой без абажура, висящей прямо над диванами. Куда ни повернёшься — лампа светит в глаза. В шесть утра по-местному (два часа ночи по-московскому) встали, пошли выяснять обстановку. Обстановка была сложной, но не безнадёжной. Прямого самолёта в Саяногорск не было. Удалось купить авиабилеты на Шушенское на 11 утра. От Шушенского до Черёмушек на автобусе часа два. Правда неизвестно, будет ли автобус.

Через час самолёт Ан-24 приземлился в Шушенском. Боже, до чего заросла сюда народная тропа. В былые времена толпы паломников прилетали на священное место ссылки Ильича. Нынче беломраморный зал аэропорта пуст, самолёты прилетают в райцентр Шушенское только из Красноярска и не каждый день. Ура! Автобус есть, но только до Сизой. Это противоположный берег Енисея. Но там есть переправа по гребню плотины Майнской ГЭС. Майна — центральный посёлок «большого Саяногорска». От Майны до цели путешествия — посёлка Черёмушки рукой подать — двадцать километров.

Пятнадцать лет назад, когда Горин впервые ехал от Абакана к Саяногорску, дело было зимой, он думал: «Господи, как люди могут здесь жить? Деревьев нет, зима почти без снега, ветер». Все сто километров пути за окном автомобиля простиралась унылая, ровная как стол хакасская степь, по почти бесснежной земле ветер гонял пирамидки снежных вихрей. Первое впечатление оказалось обманчивым. Жить в этих краях можно. Это подтверждают и археологи, и садовые участки нынешних жителей, где вызревают даже абрикосы. Как-никак широта Воронежя. До нашей эры из этих краёв вышли в большой мир изобретатели штанов и уздечки скифы, а в XVI веке отсюда же ушли в Тянь-Шань кир-

гизы. Вся Хакасия — археологический Клондайк. Территория Саяногорска — тоже. Самая древняя статуэтка из керамики на территории Советского Союза найдена здесь, в Майне, недалеко от впадения речки Уй в Енисей. Статуэтке шестнадцать тысяч лет. Нашли её недавно — при строительстве Майнской ГЭС и выставили в Эрмитаже. В XIX веке финские археологи М.Кастрен и И.Аспелин обнаружили у села Означенного камни с руническими письменами.

«Мегаполис» Саяногорск рождён Саяно-Шушенской ГЭС и городом может считаться условно. На самом деле это три близкорасположенных поселения на левом берегу Енисея. Каждое поселение имеет своё лицо и свою климатическую зону.

Самое северное поселение — собственно Саяногорск, пятидесяти-тысячный город из стандартных пятиэтажек и девятиэтажек стоит на ровной безлесной хакасской степи. На месте Саяногорска со времён Екатерины Великой был острог и село Означенное. Местные краеведы пишут, что в «означенное» на карте Сибири перстом императрицы место были сосланы участники пугачёвского бунта. Острога давно нет, есть большой Саянский алюминиевый завод, мраморный завод и ещё несколько промышленных предприятий, на которых работают жители современного Саяногорска. Река Енисей в этих местах равнинная, относительно спокойная, разделённая на рукава; берега и острова реки обрамлены неширокой полосой берёзовых и сосновых лесов.

Десятью километрами выше по Енисею, в предгорьях Саян — посёлок Майна с десяти тысячным населением. По внешнему виду — типичная таёжная сибирская деревня с домами-срубами и четырёхскатными крышами, обрамлённая невысокими (до 300 метров) сопками. Здесь чуть ли не с петровских времён был медный рудник. Если верить памятной доске на старом краснокирпичном здании, рудник был основан в 1732 году. Знали эти места и золотую лихорадку: возле Майны впадают в Енисей две речки — Сизая и Уй. По берегам речек старатели мыли золото. На северной окраине посёлка контррегулирующая Майнская ГЭС. По сибирским масштабам — небольшая электростанция, — около 330 тысяч киловатт. Её главная задача — помогать в работе Саяно-Шушенской ГЭС, поддерживая необходимый уровень воды в Енисее ниже плотины Саяно-Шушенской ГЭС.

Возле плотины Майнской ГЭС — развилка дорог: налево, по гребню плотины — путь на правый берег, там деревня Сизая, малая родина легендарного борца Ивана Ярыгина, прямо, вверх по Енисею, — к Черёмушкам, направо, вверх по берегу речки Уй — к базам отдыха — профилакторию Саяно-Шушенской и к горнолыжной трассе на горе Гладень

кая. В 2007 году на Гладенькую приезжал кататься на лыжах президент России В.В.Путин. Неподаляку от развилки — кладбище. На нём в 2009 году будут похоронены те, кто погиб в аварии 17 августа 2009 года.

Ещё выше по Енисею, в 20 километрах от Майны — посёлок городского типа Черёмушки. Горный посёлок с двенадцатитысячным населением. Правый берег Енисея — почти отвесная стена высотой 600 метров. Левый берег более пологий. На береговой террасе шириной примерно 500 метров — «старые» Черёмушки, посёлок из панельных пятиэтажек для строителей ГЭС. Вторая терраса выше метров на пятьдесят. На ней посёлок эксплуатационников — кирпичные семи и девятиэтажные дома. Ещё выше по реке, в четырёх километрах от посёлка — Саяно-Шушенская ГЭС.

От Майны до Черёмушек до 1961 года была девственная тайга. Исторически первым цивилизованным человеком, пришедшим в эти места, был путейский инженер Родевич. В 1907 году Родевич сделал топографическую съёмку местности, поставил первые репера и ушёл дальше. История каждого природно-технического объекта полна заявлений, протестов, в которых предсказывается неминуемая катастрофа. В середине шестидесятых годов двадцатого века Саяно-Шушенская ГЭС была почти похоронена геофизиками. Сравнив координаты опорных точек (реперов), определенные Родевичем, с современными данными, сибирские геофизики обнаружили, что координаты отличаются кое-где аж на двадцать сантиметров. Немедленно был сделан вывод о том, что в районе Карловского створа происходят тектонические взаимные подвиги скальных массивов. Строить в Карловском створе нельзя, — писали солидные академические журналы. Потребовалось полтора года дополнительных исследований, проверки и перепроверки старых измерений, чтобы опровергнуть утверждение геофизиков. Любое предупреждение — благо для лиц, принимающих решения. Но часто за апокалиптическими предсказаниями стоят не факты и знания, а интересы авторов заявлений, в чем-то обиженных и ущемленных, либо страстное желание немедленно сказать своё «новое» слово, открыть «новую частицу». Авария 17 августа 2009 года реанимировала «страшилки» полувековой давности. В газетах появилось немало статей (в основном, написанных сибирскими геофизиками) про то, как они (или их предшественники) предупреждали о возможной аварии.

Ненаселённой места выше Майны назвать было нельзя — стояли хутора в логах (ущельях) по берегам ручьёв и речек. Жили в них промысловики, сдавали государству дары тайги. Местные охотники и рыболовы были приписаны к промысловой кооперации.

Новая эра пришла в эти края в начале шестидесятых, когда в Майну прибыли изыскатели Ленгидропроекта и начали продвигаться к створу будущей ГЭС. Возле будущей плотины они встретили аборигенов — братьев Канаевых. В начале двадцатого века царская казна для освоения верховьев Енисея давала деньги переселенцам в Южную Сибирь. Один из братьев здравствовал и поныне, работал капитаном катера лесников и помнил, как мальцом привёз его в эти края отец. Каково же было удивление Канаевых, когда, добравшись до створа будущей ГЭС, они обнаружили, что там с незапамятных времён живёт русский мужик по фамилии Карлов. Его фамилия дала название ближайшей речке и створу будущей ГЭС. Выше по Енисею были угодья тувинского рода, спустившегося вниз от Шагонара. Раз в году, летом, приплывал в эти края на лодке купец-молодец, записывал в книжечку, кому сколько керосину, пороха, соли и муки надобно. А зимой по льду приезжал купец с обещанным товаром. Расплачивались за соль-керосин шкурками соболя и кабарги. Граница между охотничьими угодьями Карлова и самого северного тувинца была принята за государственную границу между Россией и Тувой. В 1944 году Тува последней из братских республик вошла в состав СССР.

Геологи седьмой экспедиции Ленгидропроекта пришли в эти края для геологических изысканий в районе будущей ГЭС. Командовал экспедицией Пётр Васильевич Ерашов. Горин не знал этого легендарного человека, героя всех многочисленных ныне забытых книг о Саяно-Шушенской ГЭС, написанных в советское время. Что называется, разминулись. Осенью 61-го года начальник Кемской экспедиции Ленгидропроекта Петр Ерашов покинул Кольский полуостров и Карелию и уехал на Саяны, а молодой специалист Захар Горин приехал осваивать те места, которые оставил Ерашов.

В понедельник утром Захар Ильич вместе с Аликом (коллегой по службе) пошли на работу. Сначала занялись финансовыми делами. Если принять во внимание обстановку всеобщего хаоса и неразберихи, финансовые дела были «обнадеживающими». Чтобы известие о том, что пока Саяно-Шушенская ГЭС платить по старому договору не в состоянии, было менее огорчительным, Горину предложили старый договор продлить ещё на два года. Могло быть хуже. Потом дня четыре ушли на дела производственные.

Было у Горина ещё одно дело. Личное. Для издания книги об Ольге нужны были деньги. Часть дал старший сын Максим. Этого хватило на издание домашнего, альбомного варианта тиражом в триста экземпля-

ров — для знакомых и родственников. После некоторых колебаний Горин решил попробовать издать её для открытой продажи. Деньги на издание Горин попросил у директора Саяно-Шушенской ГЭС Валентина Ивановича Брызгалова.

— Времена изменились, Захар Ильич. Я теперь решаю такие вопросы не в одиночку, есть СТК — совет трудового коллектива. Как я им это объясню? Но из любого положения есть выход. Вот рукопись книги о Саяно-Шушенской ГЭС, написанная красноярским литератором Галиной Смирновой. Рукопись в печать не пошла, изменились времена, поменялись акценты. Но работа оплачена, рукопись — собственность ГЭС. Возьмитесь за её переработку и подготовку к печати, такой вариант я проведу через СТК. Мы получим свою книгу, а Вы — деньги на свою.

Конечно, Валентин Иванович лукавил. Он по-прежнему оставался хозяином, но, как бережливый хозяин, ничего даром отдавать не желал. О «рукотворном чуде Саян» было написано немало книг. Его (её) воспевали и в стихах, и в прозе, и в музыке. Но, увы, по большей части воспевались строители. А Брызгалов был эксплуатационником. Книги «отдельно» про эксплуатационников не было. Горин взял пухлую папку, вечером в гостинице просмотрел рукопись и приуныл. Галина Смирнова написала не одну книгу о гидростроителях. Но, увы, это был, как написал М.Е.Салтыков-Щедрин, сплошной «гром победы раздавайся».

— Валентин Иванович, — сказал Горин Брызгалову на следующий день, — книги пишут не о митингах и пусаках агрегатов, а о людях. И не о людях вообще, а о людях, к которым автор неравнодушен. Я готов попробовать, но это будет другая книга. В ней будут мои «сопли и вопли» и личная жизнь тех, кто готов ею пожертвовать «ради истории».

— Согласен, — сказал Брызгалов.

Было начало марта 1992 года, когда Захар Горин влился в ряды летописцев Саяно-Шушенской ГЭС. И продолжает пунктирно оставаться в этом качестве уже 18 лет. Если честно, то первый блин вышел комом: книга «Разорванная паутина» писалась долго и получилась рыхлой, путаной и обо всём на свете. В конце девяностых Горин несколько лет проработал на Саяно-Шушенской ГЭС экспертом по прочности и надёжности сооружений. Попутно пришлось организовывать и первое время возглавлять ГЭСовскую пресс-службу. В те годы Захару Ильичу пришлось писать в разные газеты, по преимуществу сибирские, статьи в защиту Саяно-Шушенской ГЭС. Статьи, как правило, писал, не по своей инициативе, а по просьбе генерального директора ГЭС Валентина Ивановича Брызгалова. В них он убеждал встревоженный журналистами народ, что

плотина не рухнет в ближайшее время, что сифилис в Хакасии не из-за Саяно-Шушенской ГЭС, что мэр Саяногорска Бондаренко — не очень хороший человек и так далее. Работа была такая.

Этот опус (произведение, лат.) Горин сочиняет в свободное от работы время. Он затрудняется определить жанр своих записок. Поэтому время от времени вынужден использовать слово «опус». Поначалу Горин хотел сохранить прежнее название — «Разорванная паутина». Название «Разорванная паутина» — многозначное. Одно из значений — распавшаяся «цепь времен» лично для Захара Горина приведено в начале введения. Возможно и другое, более общее. В 1995 году выдающийся американский философ и политолог Френсис Фукуяма выпустил книгу «Доверие: социальные добродетели и сотворение благоденствия» (русский перевод 2004г). В основе книги старая как мир мысль, что человеческое общество может существовать только при наличии взаимного доверия. Доверие Ф.Фукуяма объявляет главным элементом социального и экономического развития. Доверие порождает «социальный капитал» — меру человеческой способности работать вместе ради общей цели. Согласно Фукуяме, тяжелейшая болезнь современного общества — утрата доверия, разрыв связей между людьми на всех уровнях общества, от семьи до религий и рас.

Похоже, что современная Россия в этом вопросе на самых передовых позициях. Философ и психолог Эрих Фромм в своей книге «Бегство от свободы» написал, что в двадцатом веке появился новый тип людей: гомо-маркетинг. У гомо-маркетинг всё на продажу, вплоть до пиджака и белозубой улыбки. Его девиз — не внутреннее содержание, а имидж. Во всём мире процесс появления новой породы людей был постепенным. В России конца двадцатого века это произошло мгновенно. В 1985 году началась Перестройка. Простодушные и не равнодушные к своему ремеслу продолжали заниматься своими привычными делами, полагая, что смогут прокормиться честным трудом. Эту «породу» людей уместно именовать homo-industrious (человек работающий, прилежный, усердный). Те же, кто плохо сидел на своём стуле или не любил его, взяли на вооружение известный в России со второй половины XIX века принцип: «Схватил, урвал и побежал», впервые сформулированный, кажется, в «Господах ташкентцах». С начала Перестройки прошло более двадцати лет. Изумлённый происшедшим российский homo-industrious смотрит по телевизору на сладкую жизнь homo-marketing (новых русских), слушает рассказы о скором всеобщем благоденствии, но не наблюдает такового в реальной жизни. Пропасть между двумя популяциями только ширится. Двадцать первый век — время полной победы homo-marketing над homo-industrious (человеком работающим, прилежным, усердным).

В России идея справедливого распределения всегда преобладала над идеей производительного труда. Поменялось понимание справедливости, но как комиссары в прошлом занимались, в первую очередь, справедливым распределением благ, так нынешние российские менеджеры заняты «правильным» регулированием денежных потоков. По глубокому убеждению автора менеджер — не профессия, а склад характера, склонность к комбинаторному мышлению. Выдвигать же в менеджеры надо профессионалов, имеющих соответствующий склад характера. Такими менеджерами были Томас Эдисон и Генри Форд. Билл Гейтс, между прочим, — тоже. А пока электроэнергетикой руководят люди, которые при слове «рубильник» вспоминают «нос лица кавказской национальности», — проку не будет.

Мысль о том, что в энергетике инженер — профессия, а менеджер — не профессия, далеко не новая. Крупный теплофизик, лауреат энергетического Нобеля — премии «Глобальная энергия», эксперт Нобелевского комитета по специальности «Физика» академик Владимир Елиферьевич Накоряков написал об этом так: «Распад энергетической отрасли в России начался с прихода в руководство абсолютных непрофессионалов. Точкой отсчёта можно назвать приход в энергетику в середине 90-х Б.Немцова, В.Бревнова и их команды».

В задачнике спрашивается: зачем же повторять то, что не раз говорили и бывший заместитель министра энергетики Виктор Васильевич Кудрявый, и академик с таким сложным отчеством Елиферьевич? Ответ простой: голоса Кудрявого, Накорякова и других «инакомыслящих» пока не услышаны ни верхами, ни низами. Поэтому автор этих строк присоединяет свой слабый голос к тем голосам, которые пытаются противостоять эпидемии дилетантизма, в которую погрузилась страна.

Свой опус Горин посвящает, тем, кто в этом мире строил, а не подводил черту в бухгалтерской ведомости, тем, с кем довелось повстречаться на больших стройках «эпохи ушедшего деспотизма». Тем, кто не искал виноватых, но зачастую сам оказывался виноватым. Так сложилось, что эти люди из героев своего времени превратились в антигероев нашего времени. Особенно после аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. Горин с такой оценкой их труда не согласен. Это главное, что он хочет сказать в своем опусе. Поэтому окончательное заглавие опуса — «Рукотворное чудо Саян».

В жизни приходится сталкиваться с тысячами людей. В книге же героев может быть пять или десять. Приходится выбирать. К примеру, есть в книге главный инженер проекта А.Ефименко. До Ефименко главными инженерами проекта Саяно-Шушенской ГЭС были Г.Претро, Я.Марго-

лин, Л. Доманский. После А. Ефименко — М. Александров, Б. Ботвинов, Д. Быков. Приходится выбирать. Возможно, автор был пристрастен в своём выборе и выбрал тех, кого лучше знал, кто оставил след в его личной жизни.

Было время, когда в России торжествовал принцип: «Кто не с нами, тот против нас». Сейчас моден плюрализм политический, научный, религиозный и даже сексуальный. На это намекали Горину его знакомые, кому он дал почитать свой опус. *«Всякое мышление подтасовка — и твое, и твоих оппонентов. Но надо знать и потакать чужим предвзятостям — только так можно переубедить, принимая чужие аксиомы»*, — так, совершенно справедливо отозвался один знакомый. А вот письмо из далекого города Майнц от другого знакомого: *«Здравствуй Захар! Прочитал я твой “опус”. Прочитал и почему-то подумал — вот Пётр сидит на облаке и сортирует новоприбывших, этого — в рай, он праведник, этого в ад, он грешник. Пётр — апостол, классик жанра. Тебе сложнее, каждому по ярлыку, т.е. кому по жопе, кого ласками согреть. А ведь у всех твоих героев начальственные чины и пышные звания, до академиков. Совсем зашаталось мироздание»*. И все же, «рассудку вопреки», Горин решил быть предвзятым, ангажированным, принадлежащим своей гильдии.